

*Н. О. Лернеръ.*

# „ВОЗСТАНЬ, ВОЗСТАНЬ, ПРОРОКЪ РОССІИ...“

СТИХОТВОРЕНІЕ ПУШКИНА.

---

Отдѣльный оттискъ изъ изданія «Пушкинъ и его современники», вып. XIII.



**С.-ПЕТЕРБУРГЪ.**

**ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.**

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

**1910.**

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.  
Мартъ 1910 года.

За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ Князь *Б. Голицынъ*.

## „Возстань, возстань, пророкъ Россіи...“

СТИХОТВОРЕНІЕ ПУШКИНА.

Съ знаменитымъ „Пророкомъ“ Пушкина и первой встрѣчей поэта и царя Николая Павловича (8 сентября 1826 г.) связано любопытное преданіе. Оно было впервые рассказано въ редактированномъ П. А. Ефремовымъ очеркѣ „А. С. Пушкинъ“<sup>1)</sup>. „Въ кругу знакомыхъ Пушкина, увѣрившихъ, будто бы они слышали о томъ отъ самого Александра Сергѣевича, сохранился рассказъ о какихъ-то очень подозрительныхъ стихахъ, потерянныхъ на лѣстницѣ Кремлевскаго дворца. Дѣло въ томъ, что государь выразилъ (будто бы) желаніе узнать, нѣтъ ли при Пушкинѣ какого-нибудь новаго стихотворенія. Пушкинъ вынулъ изъ кармана бумаги, захваченныя имъ второпяхъ при отъѣздѣ изъ Михайловскаго, но не нашелъ между ними никакого стихотворенія. Выходя изъ дворца и спускаясь по лѣстницѣ, Пушкинъ замѣтилъ на ступенькѣ лоскутъ бумажки, поднялъ и узналъ въ немъ свои стихи къ друзьямъ, сосланнымъ въ Сибирь... Эту бумажку онъ выронилъ, вынимая изъ кармана платокъ. Возвратясь въ гостиницу (?), онъ тотчасъ же сжегъ это стихотвореніе“. Не вдаваясь въ оцѣнку достовѣрности факта, скажемъ только, что во всякомъ случаѣ стихотвореніемъ,

---

1) „Русск. Стар.“ 1880 г., январь, 133.

о которомъ говорится здѣсь, не могло быть посланіе въ Сибирь, написанное позднѣе. „Этотъ разсказъ“—читаемъ далѣе,—„ходившій тогда въ кружкѣ знакомыхъ Пушкина, повторялъ въ послѣдствіи и близкій пріятель Пушкина С. А. Соболевскій, но повторялъ съ нѣкоторыми только вариантами. По его словамъ, потеря листка съ стихами сдѣлана; листокъ отыскался не во дворцѣ, а въ собственной квартирѣ Соболевскаго, куда Пушкинъ пріѣхалъ изъ дворца; самый листокъ заключалъ „Пророка“, съ первоначальнымъ, въ послѣдствіи измѣненнымъ текстомъ послѣдней строфы:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи!  
Позорной ризой облекись,  
Иди—и съ вервиемъ на выи“ и пр. . .

Авторъ статьи, гдѣ сообщено это преданіе, причислилъ его къ числу разсказовъ „сомнительной правдивости“, что вызвало вскорѣ весьма интересное возраженіе А. П. Пятковскаго <sup>1)</sup>: „Я не понимаю, почему разсказъ объ одномъ и томъ же обстоятельстве, повторяемый безъ особеннаго разнорѣчія людьми, несомнѣнно близкими къ Пушкину (какъ, напримѣръ, Соболевскимъ), можетъ заслужить себѣ аттестацію „сомнительной правдивости“:—развѣ только потому, что онъ позже другихъ разсказовъ попалъ въ печать, и что самъ Пушкинъ не упоминаетъ объ интересующемъ насъ обстоятельстве?... Но это обстоятельство имѣетъ настолько щекотливый характеръ, что разглашать его было вовсе неудобно какъ самому Пушкину, такъ и друзьямъ его,—тѣмъ болѣе, что въ это же время весьма бдительнымъ аргусомъ возлѣ великаго поэта сталъ шефъ жандармовъ, Бенкендорфъ... Думаю, что ничѣмъ инымъ, кромѣ вынужденной скромности, нельзя объяснить и молчаніе Соболевскаго, кото-

1) Тамъ же, мартъ, 678—675.

рый только „впослѣдствіи“, т. е. по смерти Пушкина, рассказывалъ объ этомъ, да и то въ тѣсномъ кругу. Что Соболевскій не выдумалъ этого факта, — я могу лично подтвердить тѣмъ, что подобный же рассказъ я слышалъ отъ А. В. Веневитинова (родного брата поэта Д. В. Веневитинова), который до преклонныхъ лѣтъ отличался замѣчательною памятью и въ особенности твердо помнилъ все то, что относилось къ порѣ его молодости. А. В. Веневитиновъ рассказывалъ мнѣ, что Пушкинъ, выѣзжая изъ деревни съ фельдъегеремъ, положилъ себѣ въ карманъ стихотвореніе „Пророкъ“, которое въ первоначальномъ видѣ оканчивалось слѣдующею строфою:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи,  
Позорной ризой облекись  
И съ вервьемъ вокругъ смиренной выи  
Къ царю . . . . . явись!

(Послѣдніе два стиха составляютъ измѣненіе и дополненіе приведеннаго въ „Русской Старинѣ“ варианта). Являясь въ Кремлевскій дворецъ, Пушкинъ имѣлъ твердую рѣшимость, въ случаѣ неблагопріятнаго исхода его объясненій съ государемъ, вручить Николаю Павловичу на прощанье это стихотвореніе. Счастливая судьба сберегла для Россіи пѣвца „Евгенія Онѣгина“, и благосклонный пріемъ государя заставилъ Пушкина позабыть о своемъ прежнемъ намѣреніи. Поэтическое оружіе, захваченное имъ для самозащиты, такъ и осталось въ его карманѣ. . . Считаю нужнымъ прибавить, въ видѣ ручательства за правдивость этого рассказа, что А. В. Веневитиновъ былъ въ это время въ Москвѣ, что Пушкинъ въ домѣ Веневитиновыхъ читалъ своего „Бориса Годунова“, и что, слѣдовательно, А. В. могъ слышать всю эту исторію изъ первыхъ устъ“.

Тѣмъ не менѣе, критика еще не пришла ни къ

какому опредѣленному выводу ни о правдивости этихъ сообщеній, ни о достовѣрности стиховъ, ни объ отношеніи ихъ къ „Пророку“. П. А. Ефремовъ въ обоихъ первыхъ своихъ изданіяхъ <sup>1)</sup> повторилъ разсказъ Соболевскаго съ полнымъ довѣріемъ, но въ третьемъ изданіи <sup>2)</sup> отказался внести даже въ примѣчанія это „плохое и неумѣстное четверостишіе“, которое „недостойно даже упоминанія“ рядомъ съ „Пророкомъ“. П. О. Морозовъ, въ первомъ своемъ изданіи <sup>3)</sup> также приведшій разсказъ Пятковскаго съ довѣріемъ къ нему, во второмъ изданіи <sup>4)</sup> уже призналъ, что „преданіе, подхваченное легковѣрными критиками, представляется по существу совершенно невѣроятнымъ, не говоря уже о технической сторонѣ четверостишія“.

Впервые отрицательно отнесся къ достовѣрности преданія В. Д. Спасовичъ <sup>5)</sup>, дополняющій послѣдній стихъ сообщеннаго Пятковскимъ четверостишія: „Къ царю Россійскому явись!“ . . . : „Не имѣя права выѣзда изъ имѣнія, Пушкинъ не могъ и помышлять о томъ, что онъ вскорѣ предстанетъ передъ лицомъ государя. Увезенный фельдъегеремъ, онъ не могъ догадываться, что его повезутъ въ Чудовъ дворецъ. Строфа, сохранившаяся въ устномъ преданіи, не могла быть заключительною, такъ какъ она оставляетъ читателя въ полномъ недоумѣніи, зачѣмъ имѣлъ явиться и что имѣлъ сказать этотъ съ вервьемъ на шеѣ человекъ въ своемъ, совсѣмъ необычномъ по нашему времени костюмѣ и съ своими весьма малопонятными библейскими рѣчами? Въ данныхъ условіяхъ его поступокъ сильно походилъ бы на выходку помѣшаннаго.“

---

1) 1880 г., II, 415—416, и 1882 г., II, 398.

2) Т. VIII, 1905 г., стр. 263.

3) Литературнаго фонда, II, 3.

4) Тов. Просвѣщенія, II, 395.

5) „Байронизмъ у Пушкина и Лермонтова“—„Вѣстн. Европы“ 1888 г., мартъ, 83.

Вспомнимъ еще, что либеральный бредъ прошелъ у Пушкина еще въ то время, когда онъ писалъ „Святителя“, что въ январѣ 1826 г. онъ уже непремѣнно желалъ помириться съ правительствомъ. Онъ не былъ заодно съ декабристами, — онъ только скорбѣлъ о нихъ. У него не могло быть въ запасѣ никакихъ „жгучихъ глаголовъ“, какъ скоро отъ милостивыхъ словъ государя онъ мгновенно раскаялся и сдѣлался на остальную жизнь человѣкомъ не противнымъ правительству“.

Со Спасовичемъ согласился другой изслѣдователь — Н. И. Черняевъ<sup>1)</sup>, не только отвергшій преданіе о происхожденіи четверостишія, но и разобравшій его не безъ придирчивости. „Всѣ эти рассказы, думается намъ, принадлежатъ къ безчисленному множеству вымышленныхъ о Пушкинѣ анекдотовъ, долго гулявшихъ на Руси и не разъ вводившихъ въ заблужденіе комментаторовъ и биографовъ поэта. Можно ли допустить, чтобы такая геніальная вещь, какъ „Пророкъ“, заканчивалась такимъ плохимъ и прозаическимъ финаломъ, какъ „Возстань, возстань, пророкъ Россіи“... — финаломъ, достойнымъ развѣ только какого-нибудь безталаннаго подражателя Рылѣева? Если прочесть четверостишіе, о которомъ идетъ рѣчь, немедленно вслѣдъ за „Пророкомъ“, оно произведетъ впечатлѣніе банальнаго марша, пристегнутаго къ одной изъ лучшихъ сонатъ или симфоній Бетховена, или безжизненной фигуры, вписанной въ картину Рафаэля какимъ-нибудь живописныхъ дѣлъ мастеромъ... „Сонная кисть художника-варвара“ чувствуется чуть ли не въ каждомъ словѣ четверостишія... Двукратное повтореніе слова „возстань“ послѣ того, какъ оно уже встрѣчается въ Божьемъ воззваніи къ пророку, отзывается однообра-

---

1) „Пророкъ Пушкина въ связи съ его же Подражаніями Корану“, М., 1898 г., стр. 12 — 16.

зіемъ и риторикой, а обращеніе къ невѣдомому пророку Россіи, пристегнутое къ разсказу пушкинскаго пророка, поражаетъ своею неожиданностью и звучитъ дикимъ и рѣзкимъ диссонансомъ, нарушающимъ гармоническую стройность всего стихотворенія. „Позорной ризою облекись“—это такой стихъ, какого не могъ написать не только Пушкинъ, но и ни одинъ сколько-нибудь грамотный (?) поэтъ. Зачѣмъ понадобилось напоминать „пророку Россіи“, что ему необходимо, отправляясь къ царю, возложить на себя „позорную ризу“,—неизвѣстно. Развѣ только для того, чтобы заручиться риемой къ слову „явись“. Трудно (?) также понять, что надлежитъ понимать подъ выраженіемъ „позорная риза“. Ужъ не рубище ли? Но почему же „пророкъ Россіи“ долженъ ходить непремѣнно въ разодранной одеждѣ? Это тайна автора разбираемаго четверостишія. Слово „иди“, которымъ начинается третій стихъ, нимало не усиливаетъ значеніе слова „явись“ и, вообще, представляется совершенно излишнимъ. Оно, очевидно, вставлено лишь для сохраненія размѣра. Третій стихъ — „И съ вервіемъ на выѣ“ („пророкъ Россіи“, вѣроятно, ждалъ казни за свои обличительныя рѣчи и, въ качествѣ политическаго мученика, желавшаго пострадать за правду, заранѣе обрекалъ себя висѣлицѣ), производящій, несмотря на весь его задоръ, нѣсколько комичное впечатлѣніе, могъ бы удовлетворить развѣ только завятаго „славеноросса“, приверженнаго къ высокому слогу во вкусѣ Шипкова и считавшаго тяжкимъ пѣитическимъ грѣхомъ не называть веревку вервіемъ, а шею выей. Вообще, замѣтимъ кстати, авторъ четверостишія пользовался славянскими реченіями съ такимъ пристрастіемъ къ нимъ, какого нѣтъ и тѣни въ пушкинскомъ „Пророкъ“... Содержаніе и форма четверостишія исключаютъ всякую возможность допустить, что оно принадлежитъ Пушкину. Къ такому же выводу можно придти и путемъ критиче-



скаго отношенія къ связанному съ нимъ преданію, на неправдоподобіе котораго впервые указалъ Спасовичъ... Мнимый финалъ „Пророка“, очевидно, нужно отнести къ числу тѣхъ „сочиненій“ Пушкина, которыя имъ никогда не писались, но которыя настойчиво приписывались ему молвой“.

Мнѣніе Н. И. Черняева вызвало возраженіе Н. О. Сумцова 1): „г. Черняеву не понравились „позорная риза“ и „вервіе на выѣ“ пророка Россіи, что, однако, вовсе не такъ ужъ странно, если присмотрѣться къ культурной исторіи Россіи и вспомнить объ участи Максима Грека, Крижанича, Новикова, Радицева, Рылѣва, А. Одоевскаго, Пушкина, Лермонтова, Шевченка, Достоевскаго и мн. др. Рѣдко кому приходилось избѣгнуть „вервія“ въ той или другой формѣ. И мы думаемъ, что „Возстань“... не было концомъ „Пророка“ въ отдѣланномъ и законченномъ видѣ, такъ какъ оно плохо вяжется со всѣмъ строемъ стихотворенія и совсѣмъ непригодно послѣ перерожденія и полученія божественнаго повелѣнія жечь глаголами сердца людей. Хороши были бы глаголы—съ веревкой на шеѣ! Пушкинъ, при его умѣ, не могъ допустить такого нелѣпаго окончанія въ „Пророкѣ“. Но мы вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ согласиться съ категорическимъ утвержденіемъ г. Черняева, что „содержаніе и форма четверостишія исключаютъ всякую возможность допустить, что оно принадлежитъ Пушкину“. Совершенно наоборотъ. И по содержанію, и по формѣ это чисто-пушкинское стихотвореніе... Что касается до техники стиха, то и въ этомъ отношеніи четверостишіе имѣетъ чисто-пушкинскій характеръ... Мнѣ кажется, что тутъ можетъ быть двоякое предположеніе: или Пушкинъ допустилъ

---

1) „Изслѣдованія о поэзіи Пушкина“—„Харьковскій университетскій сборникъ въ память Пушкина“, Хар., 1900, стр. 28, 192—193.

окончаніе „Возстанъ“... въ первоначальномъ черновомъ наброскѣ „Пророка“ и потомъ, при исправленіи отбросилъ его, какъ это онъ неоднократно дѣлалъ въ другихъ своихъ стихотвореніяхъ въ интересахъ художественной цѣльности, широты и общаго правдоподобія; устраняя личные, субъективные элементы, Пушкинъ тѣмъ самымъ расширялъ общечеловѣческую сторону художественнаго образа;—или, что вѣроятнѣе, четверостишіе представляетъ совершенно самостоятельный набросокъ, написанный вскорѣ послѣ „Пророка“, когда Пушкинъ подъ вліяніемъ этого стихотворенія имѣлъ склонность въ самомъ себѣ видѣть пророка, склонность, не выдохнувшуюся въ немъ и въ послѣдствіи, какъ видно изъ его „Памятника“. Понятно, что это былъ набросокъ для себя и никоимъ образомъ для печати или для публики, и не для поднесенія императору Николаю Павловичу, которому такое стихотвореніе легко могло не понравиться, что Пушкинъ долженъ былъ отлично понимать“.

Едва ли можно говорить о достоинствахъ или недостаткахъ четверостишія, переданнаго современниками по памяти, такъ что, напримѣръ, третій стихъ имѣетъ два варианта: „Иди—и съ вервемъ на вы“... и „И съ вервемъ вокругъ смиренной вы“...; послѣдній, по вѣрному замѣчанію Ефремова<sup>1)</sup>, „даже трудно выговорить“. Чьи бы стихи ни были, мы можемъ думать, что они дошли до насъ въ искаженномъ видѣ, быть можетъ очень далеко отъ подлинника. Намъ предстоитъ рѣшить болѣе важный вопросъ, — какъ относиться къ преданію, окружающему четверостишіе и самую пьесу, съ которою его связываютъ. Ни съ совершеннымъ игнорированіемъ четверостишія, будто бы ложно приписаннаго Пушкину, ни съ включеніемъ его въ „Пророкъ“ согласиться нельзя. Изъ всѣхъ

---

1) Сочиненія Пушкина, т. V, 1881 г., стр. 537.

высказанныхъ по этому поводу мнѣній наиболѣе вѣскимъ и близкимъ къ истинѣ намъ представляется мнѣніе Сумцова, готоваго видѣть въ четверостишіи „совершенно самостоятельный набросокъ“. Въ самомъ дѣлѣ, не опроверженнымъ ни однимъ серьезнымъ доводомъ показаніямъ С. А. Соболевскаго и А. В. Веневитинова мы не имѣемъ права не довѣрять; единственное допустимое въ этомъ случаѣ ограниченіе довѣрія къ ихъ рассказамъ — это предположеніе, что непосредственные передатчики намъ этихъ рассказовъ, авторъ статьи въ „Русской Старинѣ“ и А. П. Пятковскій, кое-что сообщили невѣрно, причемъ надо замѣтить, что въ виду краткости и несложности самой исторіи это отступленіе отъ того, что сообщили Соболевскій и Веневитиновъ, не могло, конечно, быть значительно, если только, повторяемъ, — было какое-нибудь отступленіе. И Веневитиновъ, и Соболевскій, въ особенности второй, хорошо знали Пушкина и, что особенно знаменательно въ данномъ случаѣ, встрѣчались съ нимъ какъ разъ по пріѣздѣ его, 8 сентября 1826 г., въ Москву. Что свидѣтельство ихъ заключаетъ въ себѣ истину, видно изъ очень любопытнаго, но до сихъ поръ не обратившаго на себя вниманіе изслѣдователей разсказа человѣка, тоже встрѣчавшагося въ это время съ Пушкинымъ въ Москвѣ и оставившаго весьма цѣнныя по своей безупречной фактической правдивости воспоминанія о поэтѣ, — С. П. Шевырева. Вотъ что передавалъ Шевыревъ 1): „во время коронаціи государь послалъ за Пушкинымъ нарочнаго курьера (*обо всемъ этомъ самъ Пушкинъ рассказывалъ*) везти его немедленно въ Москву. Пушкинъ передъ тѣмъ писалъ какое-то сочиненіе въ возмутительномъ духѣ, и теперь, воображая, что его везутъ не на добро, дорогой обдумывалъ это сочиненіе; а между

---

1) „Пушкинъ“, сборн. статей Л. Н. Майкова, С.-Пб., 1899, стр. 329.

тѣмъ извѣстно, какой приѣмъ сдѣлалъ ему великодушный императоръ; тотчасъ послѣ этого Пушкинъ уничтожилъ свое возмутительное сочиненіе и болѣе не поминалъ о немъ“.

Эти данныя, взаимно дополняя другъ друга, рисуютъ слѣдующій эпизодъ. Когда поэта везли въ Москву, онъ, не зная навѣрное, что его ждетъ: получить ли онъ желанную свободу, или, наоборотъ, подвергнется еще горшимъ гоненіямъ, и приходя въ отчаяніе за свою судьбу, слагалъ какое-то, быть можетъ начатое уже раньше, стихотвореніе, „возмутительное сочиненіе“, которое послѣ свиданія съ государемъ уничтожилъ, такъ какъ заключавшійся въ немъ протестъ уже не вязался съ новымъ поворотомъ въ жизни поэта. Въ этомъ стихотвореніи, насколько можно судить по особенно выдающимся и, значитъ, наименѣе измѣненнымъ памятью рассказчиковъ мѣстамъ, онъ сравнивалъ себя съ пророкомъ, стоящимъ предъ царемъ съ веревкой на шеѣ и, значитъ, ждущимъ помилованія или казни. Извѣстно, какъ принялъ онъ извѣстіе о казни пяти декабристовъ, какъ тревожила его воображеніе висѣлица, на которой повисли пять дѣятелей свободы „съ вервиемъ на выѣ“; онъ рисовалъ эту висѣлицу съ пятью качающимися трупами <sup>1)</sup>. Утвержденіе Спасовича: „Пушкинъ не могъ и помышлять, что скоро предстанетъ предъ лицомъ государя“, невѣрно. Уже изъ внезапнаго появленія фельдъегеря; изъ того, что въ Псковѣ, куда сначала привезъ его фельдъегерь изъ Михайловскаго, онъ нашелъ „весьма любезное“ письмо, которымъ могъ „гордиться“ <sup>2)</sup> отъ начальника главнаго штаба И. И. Дибича; изъ того, что Дибичъ въ своемъ отношеніи отъ 31 августа на имя псковскаго граждан-

---

1) См. „Русск. Стар.“ 1884 г., іюнь, 550, и іюль, 47; Сочиненія Пушкина, изд. С. А. Венгерова, II, 527, 529—530.

2) См. письмо Пушкина къ П. А. Осиповой 4 сентября 1826 г.

скаго губернатора <sup>1)</sup> писалъ, что поэтъ „по прибытіи въ Москву имѣеть явиться прямо къ дежурному генералу главнаго штаба е. и. в.“; изъ самаго факта отправленія въ Москву, гдѣ тогда происходили коронаціонныя торжества, Пушкинъ не могъ не понять, *кто* имъ интересуется; конечно, поэту было извѣстно, какое дѣятельное личное участіе принималъ царь въ слѣдствіи по дѣлу декабристовъ. Наконецъ, его не могли не взволновать и неслыханная, сверхъ-фельдъегерская быстрота, съ которою его примчали въ трое сутокъ изъ Пскова въ Москву <sup>2)</sup>, и то, что по приѣздѣ въ Москву онъ до представленія Николаю Павловичу не былъ отпущенъ на свободу, а задержанъ при канцеляріи дежурнаго генерала <sup>3)</sup>. Поэтъ, какъ извѣстно, заключилъ съ правительствомъ компромиссъ, отъ котораго, правда, давно былъ не прочь, но въ ожиданіи этой сдѣлки, полагаясь всецѣло на произволь судьбы и готовясь принять все, что она ни пошлетъ, колебался между компромиссомъ и ролью, хотя чисто пассивной, пророка, униженно стоящаго въ одеждѣ позора и съ веревкой на шеѣ передъ торжествующимъ властелиномъ. Съ характеромъ Пушкина не вяжется театрално-эффѣктивное врученіе царю стиховъ о пророкѣ съ веревкой на шеѣ. Поэтъ могъ отождествлять себя въ поэтическомъ воображеніи съ гонимымъ пророкомъ, но, какъ человѣкъ трезвый и самолюбивый, конечно, никогда не рѣшился бы вручить царю подобныя стихи и, разыгравъ напыщенную, театральную сцену, поставить себя въ положеніе не то что небезопасное, а просто смѣшное. Стихи, вѣрнѣе, предназначались, въ случаѣ неблагоприятнаго результата свиданія, для хожденія по рукамъ, въ

---

1) „Письма Пушкина и къ Пушкину“, сборн. В. Я. Брюсова, М. 1903, стр. 32; П. В. Анненковъ, „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, С.-Пб., 1874, стр. 321.

2) „Русск. Стар.“ 1903 г., октябрь, 117—118.

3) Анненковъ, „П. въ Александровскую эпоху“, 324.

качествѣ „сочиненія, презрѣвшаго печать“. Въ общей достовѣрности показаній трехъ современниковъ Пушкина, одинъ изъ которыхъ прямо ссылается на слова поэта, мы не имѣемъ права сомнѣваться, противопоставить ихъ разсказамъ нечего. Остается безъ отвѣта, за неимѣніемъ никакихъ документальныхъ данныхъ, которыя однѣ могутъ имѣть здѣсь рѣшающее значеніе, удачно формулированный Сумцовымъ вопросъ объ отношеніи четверостишія „Возстань“ . . . къ „Пророку“. Быть можетъ, это были двѣ разныя пьесы, между которыми единственная общая черта — образъ пророка, и именно эта общность могла слить въ памяти лицъ, сообщеніями которыхъ мы пользуемся, обѣ пьесы въ одно цѣлое, расчлененное самимъ художникомъ. Возможно, что изъ однихъ и тѣхъ же образовъ возникли и гордый пророкъ, преображенный десницей серафима и послушный лишь высшей волѣ, и смиренный пророкъ съ веревкой на шеѣ и въ ризѣ позора. Во всякомъ случаѣ ясно, что было какое-то „возмутительное сочиненіе“ Пушкина о пророкѣ, и что оно вполнѣ сложилось въ душѣ поэта въ началѣ сентября 1826 г. Чутье не обмануло В. Я. Стоюнина<sup>1)</sup>, признавшаго четверостишіе принадлежащимъ Пушкину; того же мнѣнія и В. В. Сиповскій<sup>2)</sup>, который считаетъ его заключительной строфой „Пророка“, хотя и неудачно пристроенной. Отождествленіе пророка съ поэтомъ, которое составляетъ душу дошедшаго до насъ четверостишія, косвенно усиливаетъ значеніе тѣхъ толкованій „Пророка“, наиболѣе вѣскихъ и убѣдительныхъ (Мицкевичъ, Анненковъ, Кохановская, Аполлонъ Григорьевъ, Страховъ, Незеленовъ, В. Никольскій, Влад. Соловьевъ, Дашкевичъ), которыя объясняютъ эту пьесу, какъ исповѣданіе призванія поэта.

*Н. Лернеръ.*

1) „Пушкинъ“, С.-Пб., 1881, стр. 286—287.

2) „Пушкинъ. Жизнь и творчество“, С.-Пб., 1907, стр. 255, 263.